

Мечтаю о политиках, которые бы относились к власти безразлично

"Без галстука" №47 с Евгением Кожокиным

ОТ РЕДАКЦИИ: *Сегодня день рождения у нашего гостя проекта «Без галстука», члена Экспертного Совета ПИР-Центра, декана факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, профессора МГИМО, доктора исторических наук Евгения Михайловича Кожокина. Мы хотим рассказать вам не только об ученом-историке, но и о режиссере, поэте, писателе. В сегодняшнем интервью Евгений Михайлович поделился своими мыслями о будущем России, современном обществе, свободе и несвободе в СССР, церкви, кино и литературе.*

*Осенний запах хризантем
И мокрых дров,
И старых мыслей листопад
Унынье слов
Свиданье будто ритуал...
И засыпая, угасал
День тихого отдохновенья...
Но не дождется пораженья
Уйти в осеннее забвенье
Я не спешу
Я пули лью,
Точу кинжал.
Врагам ни слова не сказал
И даже смерть свою в бою
В удар прощальный обращу
Евгений Кожокин*

О детстве

Я очень рано понял, что я гуманитарий, возможно, даже ещё в начальных классах. Может, это связано с тем, что у меня совсем не техническая семья. Отец был офицером, потом работал в космической области, но он всегда интересовался международными отношениями, политикой, и, даже когда я был очень маленьким, он со мной говорил на эти темы. Мама была преподавателем начальных классов. Мы жили в

Сокольниках в полутораэтажном доме нелепой конструкции, я в свои пять лет мог вылезать

из окна и выходить в палисадник, в нем росли два чахлых куста смородины и иногда гуляли крысы. Из-за них мама не разрешала мне вылезать из окна. А еще дома имелась печка, и отец ходил рубить дрова, чтобы топить ее. Комната, где мы втроем жили, была маленькой, но и в этом крохотном пространстве уместилась этажерка с самыми разными книгами. И как только я научился читать, то начал свое чтение именно с того, чтобы было еще «рано» ... (как говорили мне взрослые). Там были «Отверженные» Гюго, «Даурия» Константина Седых, «Всадник без головы» Майн Рида. Мне их читать было гораздо интереснее, чем книжки, которые были «предназначены» для моего малолетнего возраста.

На философском любят партийных, на юрфаке милиционеров

У меня были исключительные учителя по литературе. Я до сих пор очень хорошо их помню и исключительно им благодарен. Галина Кузьминична Антиповская, которая преподавала мне литературу в 417 школе-восьмилетке, посоветовала мне после окончания восьмого класса: «Женя, так как Вы гуманитарий, Вы можете пойти в школу при филологическом факультете МГУ, она в районе Донского монастыря». Я прошел собеседование и на два года стал «филологом». Так мы школяры гордо себя называли. Весь филологизм держался на гениальном учителе литературы - Александре Владимировиче Музылеве, которого мы все звали «Гусаром». Сейчас я понимаю, насколько он был молод: когда мы у него учились, ему было 26 лет. Он был выпускником филологического факультета МГУ и сохранял с факультетом живую связь. В 9 классе у нас был день, когда мы не проходили школьную программу: не было ни алгебры, ни геометрии, ни физики, к нам приходили преподаватели, аспиранты, студенты филфака МГУ и читали лекции, проводили семинары. Это была поразительная школа.

Потом я поступал в Институт восточных языков (ИВЯ) при МГУ, но мне не хватило пол балла. Отец пытался пристроить меня лаборантом на кафедру в вуз, но я предпочел уехать в экспедицию, а потом работал грузчиком на кожгалантерейной фабрике и в характеристике у меня было написано, что к девчонкам не пристаю, не напиваюсь, дерусь мало. ИВЯ был преобразован в ИСАА. Система отбора за этот год стала более жесткой, и я подумал, что у меня мало шансов пройти. Наш Гусар занимался бесплатно с теми, кто, как он считал, может и должен учиться дальше. Он сказал мне: «Слушай, наверное, тебе нужно на исторический. На философский ты бы, конечно, тоже подошел, но там любят партийных, на юрфаке любят милиционеров. Иди на исторический». Вторая попытка оказалась более удачной. Так я оказался на историческом факультете.

Правила созданы, чтобы их обходить

У меня есть один приятель, который очень много лет живет в Соединенных Штатах, очень крупный ученый в области микробиологии. И вот как-то он мне сказал: «Ты знаешь, есть одно очень для меня значимое отличие России от США: ты знакомишься с человеком по какому-то делу, он тебе симпатичен, ты видишь, что ты ему тоже. Но дело закончилось, и, если ты ему звонишь, он очень удивляется, потому что все – бизнес закончился. Зачем общаться? Дружбы нет, есть бизнес – во всем. А в России без дружбы жизнь не мыслима». В СССР дружеские отношения, пожалуй, значили еще больше. Эгоизм и индивидуализм подточили у нас даже дружбу, но, слава богу, не совсем.

Когда я говорю про СССР, то имею в виду не сталинское, а брежневское время, время Андропова, Черненко. У нас, может быть, не было правового государства, но правила были

всем понятны. Ты мог эти правила нарушать, и тогда у тебя начинались проблемы, а мог эти правила обходить. Мы жили в определенных рамках, при неписаных установках, которые людям того времени были совершенно понятны.

Свободомыслящая молодежь позднего СССР

Тот же исторический факультет был не только профессиональным выбором, но в какой-то степени политическим, потому что, если ты шел на кафедру истории КПСС, ты готов был заниматься не исторической наукой, а идеологией, ущербность которой видели даже многие из тех студентов, которые шли на эту кафедру. Если ты шел на кафедру истории стран Европы и Америки, то ты выбирал кафедру, где присутствовал воздух свободы, не говоря уже про кафедру истории Древнего мира или истории Средних веков, где свободы было еще больше.

Когда ты становился старше, ты отлично понимал, что, если ты хочешь опубликовать книгу, то в начале и в конце книги ты должен написать что-то с цитатами Ленина, а если по новейшей истории, то и Брежнева, а внутри книги у тебя должен быть трезвый, основанный на источниках, очень серьезный анализ. И ты там мог практически не ссылаться на материалы съездов КПСС или работы классиков марксизма-ленинизма. Правда, мы, свободомыслящая молодежь, тогда не умели читать партийные документы, да и вообще очень многого не понимали, критическое отношение перерастало в нигилизм по отношению к реалиям собственной страны, с одной стороны, и в идеализацию Запада, с другой. Мы не ценили - стабильность и предсказуемость. Наоборот, стабильность раздражала. Вся жизнь впереди казалась ясной и понятной... И поэтому скучной. Хотелось перемен, хотелось другого. Что касается Запада, мы испытывали огромное количество иллюзий. Я бы сказал, что у нас было беллетристическое и кинематографическое восприятие Запада. В огромных советских кинотеатрах, в Домах культуры, в сельских клубах очень часто показывали западные фильмы. Каждый из них черпал свое. Кто-то приходил смотреть, какие там магазины, какие квартиры, кто-то - наоборот, как сказал мой младший брат, когда я ему превозносил прекрасное свободное общество, что «там мафия и людей убивают».

Художественная литература Запада была абсолютно доступной. И это был не только любимый интеллигенцией журнал «Иностранная литература», который печатал лучшее и который прекрасно и быстро переводил на русский язык новинки зарубежной литературы, но и огромное количество книг, которые если не удавалось купить, всегда можно было взять в библиотеке. На самом деле, интеллектуальная, я бы даже сказал, эмоциональная открытость Советского Союза была очень высокой. Другой феномен той прошлой жизни - толстые журналы, которые сейчас как явление совсем ушли: «Новый мир», «Дружба народов» «Наш современник». Они были разной идейной направленности. И там появлялись не только художественные произведения, но и очерки: в этих журналах можно было напечатать что-то гораздо более свободное, чем, например, в научном журнале. И когда появлялось что-то свежее, например, «очерк о проблемах сельского хозяйства» Черниченко, то ты приходил в институт или в университет, и твои коллеги живо обсуждали «новое слово». И, если ты не прочитал этот очерк, ты чувствовал себя отсталым, поэтому бежал, доставал у друзей или в библиотеке журнал, который быстро становился потрепанным из-за постоянной востребованности. Неформальная интеллектуальная жизнь была очень разнообразной. В среде, в которой я жил, было не принято обсуждать одежду или мебель. Хотя модным, конечно, хотелось быть, помню бабушка из старой овчины,

валявшейся в деревне на сеновале, умудрилась сшить мне дубленку и в ней я долго щеголял. Культ потребления среди интеллигенции в брежневское время постепенно набирал силу, но мощь этого культа была потаенной, не очень отрефлексированной. Идеологи безудержного потребления заявили о себе в годы перестройки. Это, прежде всего, ненадолго ставшие знаменитостями Николай Шмелев и Лариса Пияшева.

Почему церковь должна быть бедной?

В XV веке было противостояние Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. В этом противостоянии победила линия Иосифа Волоцкого. А сегодня, мне кажется, идеи Нила Сорского гораздо более актуальны, чем его оппонента. Нужно чтобы в обществе были нравственные ориентиры и одна из задач церкви - быть хранителем нравственных традиций, но для этого сами священнослужители должны не только

словом, но и делом подтверждать, что они для нас образец. И тогда их слову мы будем верить гораздо больше. Нил Сорский сам жил очень бедно, в «Уставе о скитской жизни» он писал, что монахи должны жить только за счет собственного труда, они должны молиться и работать; и монастырям не нужны богатые дары, не нужны владения, достаточно того, что монахи и послушники создают своими руками. Он выступал за бедность церкви как института. Мы богатая страна, но с бедным населением. Чтобы это бедное население лучше слышало те правильные слова, которые говорят в церкви священниками, церковь должна быть тоже бедной, соответствовать бедности большинства наших людей. Мне кажется, тот гедонизм – наслаждение жизнью - который присущ нашему правящему классу, чрезмерен и не соответствует тому, что правящий класс сделал для развития нашей страны. Для того чтобы быть правящим классом, нужно быть в большей степени демократом, то есть уважать собственный народ, в том числе уважать его бедность, тем более что бедность во многих случаях порождена сверхэксплуатацией.

Нужна православная церковь, которая вызывала бы уважение не только у православных, но и у мусульман, иудеев, буддистов.

Главный герой моего последнего фильма «Учитель немецкого» Рахим Бурханов, будучи несправедливо осужденным, отбывал срок в Воркутлаге, одна из шахт, на которой он работал, действует по сей день, я снимал в ней шахтеров в забое: тяжелый и опасный труд. В Воркуте есть часовня, ее построили недавно и заказали, чтобы там поминали погибших шахтеров. Оказалось, что в году есть только 1 день, когда никого не поминают, и это 29 февраля (т.е. день високосного года). При этом проходчики, например, получают 75 тыс. рублей в месяц. Это большие

деньги? Возвращаясь к вопросу о церкви, нам нужна православная церковь, которая вызывала бы уважение не только у православных, но и у мусульман и иудеев, стала бы для всех моральным авторитетом. Почему это важно? Потому что одна из основ нашей страны, нашей цивилизации – это православная церковь. И я считаю, что мы все заинтересованы в том, чтобы она была интеллектуально и морально сильной, потому что тогда и страна будет сильнее. А в этом заинтересованы все наши граждане вне зависимости от вероисповедания. Я приведу пример. Это был далекий 1990 год, мы три народных депутата РСФСР, Лев

Пономарев, Владимир Комчатов и я, приехали в Татарстан перед визитом в республику Ельцина, хотели оценить обстановку, чтобы помочь в организации поездки председателя Верховного Совета РСФСР. Президентом Ельцин был избран позже, в марте 1991 г. Мы общались с самыми разными людьми, в том числе с имамом одной из мечетей, - молодым, умным, хорошо знающим город и людей человеком. С ним было очень интересно. А потом мы пришли говорить с настоятелем одного из храмов православной церкви. Честно говоря, контраст был отнюдь не в пользу священника - усталого человека, не поведавшего нам ничего заслуживающего внимания.

Конечно, в своей жизни я встречал священнослужителей православной церкви, которые вызывали большое уважение. К величайшему сожалению, от осложнений после ковида скончался Феофан, митрополит Казанский и Татарстанский, это был умный, очень сильный, прозорливый человек, терпимый к инакомыслию. Мне бы хотелось, чтобы людей такого масштаба в православной церкви было как можно больше. В Татарстане владыку уважали не только православные.

Наша постоянная задача - преодолевать отчужденность государства от граждан

Мне кажется совершенно очевидным, что демократическое устройство страны отнюдь не означает, что власть слабая. Власть должна быть в рамках закона очень сильной и очень эффективной. Глубинная и очень серьезная проблема, царствующая на просторах России – коррупция - должна лечиться не кампаниями, а нормально функционирующей демократией. У нас в Конституции сейчас записано, что президент может избираться на 6 лет на 2 срока. Я считаю, что этот принцип должен соблюдаться без каких-либо исключений. Более того, в перспективе я считаю, что два срока, т.е. 12 лет, - это слишком много. 8 лет вполне достаточно, чтобы многое сделать для страны.

Очень важно, чтобы и те, кто во власти, и те, кто вне ее, пришли к пониманию того, что государство — это наш институт, наш инструмент, наше общее дело. И наша постоянная задача - преодолевать отчужденность государства от граждан.

Мне нравится старое значение, идущее от латинского «*res publica*» («республика»), т.е. «общее дело». Государство не должно быть вотчинным, куда ты приходишь за властью и за богатством. Да, здесь должна быть какая-то мотивация: если ты идешь в политику, то идешь за известностью. Но не за тем, чтобы обогатиться. Если ты хочешь обогащаться, иди в бизнес, а не в политику. А вот то, что у нас идут в политику для того, чтобы обезопасить свой бизнес или для того, чтобы стать состоятельным человеком, это невероятно мешает нам нормально развиваться.

Императив для успешности

Сейчас сложилась совершенно уникальная ситуация, которая, наверное, в истории человечества никогда ранее не наблюдалась. Молодые, которым 20 лет, и даже дети, которым 10 лет, получают профессиональные знания, которыми их бабушки и дедушки не обладают. Это произошло благодаря информационным технологиям. Каждый из людей старшего поколения сталкивался с тем, что не может разобраться с гаджетом - звонишь дочери, а та посылает к тебе внука, чтобы помог. А раньше знания старшего поколения были несопоставимы со знаниями младшего, не было той сферы, где бы младшие знали что-то больше старших. Поэтому сейчас, если государство и общество хотят быть

эффективными, то на самых разных этажах управления старшее и молодое поколения должны работать рука об руку. Это сейчас императив для успешности.

О «заблокированном обществе»

Мы периодически оказываемся в том, что Мишель Круазье называл «заблокированным обществом». Он, правда, писал про западное общество, но я не очень уверен, что это было правильно в отношении Запада. А вот мы действительно периодически оказываемся в ситуации «заблокированного общества». И это очень опасно, т.к., чтобы выйти из ситуации заблокированной системы, люди приходят к осознанию необходимости революционных действий. А революционные действия — это каждый раз катастрофа, которая, с одной стороны, приводит к обновлению страны, но и отбрасывает страну назад. Так было в 1917, и в 1990–1991. Катастрофы, которые не исчерпываются этими годами: после революции 1917 г. последовала Гражданская война, то, что мы переживаем сегодня — это последствия 1990–1991 гг., революции, которую совершило мое поколение, голосовавшее за Декларацию о государственном суверенитете РСФСР. Все говорят, что началом развала стали Беловежские соглашения. На самом деле, эти соглашения стали следствием Декларации о государственном суверенитете РСФСР, где было прописано, что законы СССР действуют на территории РСФСР только в той степени, в которой они соответствуют законам РСФСР. То есть, признавался примат республиканского права над национальным. Это был смертельный удар по СССР. За российской Декларацией о суверенитете последовали аналогичные Декларации Украины и Белоруссии. Кто принял декларацию? Граждане Российской Федерации.

Сейчас из-за действий коллективного Запада, руководимого США, нам предстоит строить, по сути, новую экономику. Вновь придется в спешном порядке преобразовывать собственную страну, не доводя ситуацию до революции. Реформы — это болезненно, сложно, но это не катастрофа, а революция — это каждый раз катастрофа и каждый раз она имеет непредсказуемые последствия.

Демократия – это то, что делает капитализм выносимым.

У нас за последние годы сформировалось поколение грамотных технократов в Сбербанке, Минфине, Министерстве экономики, которые знают страну, систему управления, и, как правило, отличаются здоровым прагматизмом. Такие люди есть в госкорпорациях. В основном, им 30–35 лет. Недавно проводился опрос об отношении россиян к республике и монархии, и выяснилось, что в России ценность республики вполне понимают и подавляющее большинство за республику. Люди все больше осознают, что капитализм без нормально функционирующей демократии - отвратительная вещь... Демократия – это то, что делает капитализм выносимым для людей.

Правда, нам нужно научиться пользоваться свободой. Мы – страна, породившая анархистов-теоретиков Бакунина, Кропоткина... И это не случайность. Склонность к анархии у нас генетическая. Мы шарахаемся от авторитарной системы к анархии. Подкорректировать бы амплитуду этих шараханий.

Мне кажется, потрясение, которое мы сейчас переживаем, и которое боюсь, не скоро закончится, должно привести к переосмыслению того, как должны строиться экономика, политика, международные отношения. Тем более, что в ходе этого кризиса базовые принципы были отвергнуты Западом. Например, неприкосновенность частной

собственности. О какой неприкосновенности может идти речь, когда изымается частная собственность? Можно любить или не любить олигархов, но в любом случае зарубежные страны не имеют право изымать собственность. Олигархи не часть государства, они частные лица, и это частная собственность. Государства Запада совершают деяния, подрывающие основу в т. ч. собственных базовых принципов.

Когда завершалась Вторая мировая война, неслучайно в мире доминировали левые идеи. Даже в такой стране, как США, их вице-президент говорил, что это была не только война, но и великая революция, которая является продолжением Октябрьской революции, Великой французской революции, он говорил о своей вере в то, что будет положен конец безудержной алчности американских корпораций. Дай бог, чтобы мы из нынешнего глобального конфликта вышли как можно скорее и вышли с новым пониманием недопустимого в международных отношениях, чтобы люди на Западе увидели ответственность и их правительств за сегодняшнюю трагедию. После Второй мировой войны был реализован великий проект – была создана ООН! Мне кажется, что мы должны выйти измененными в лучшую сторону, но, когда я говорю «мы», я имею в виду отнюдь не только Россию. Совершенно очевидно, что не было бы войны на Украине, если бы США не реализовывали свою политику безудержного господства во всем мире. Стремление к мировому господству – опасность для всех живущих на Земле. Нужны демократические механизмы, которые бы позволяли нам сотрудничать и в то же время оставаться разными. Нужны сдержки и противовесы в международной системе.

О ПИР-Центре

Я не могу сказать точно, как мы познакомились с Владимиром Андреевичем Орловым. Помню, что мы встречались, когда он работал в «Московских новостях», а я был депутатом. Начало 90-х, Революция (теперь думаю, что это была бездумная Контрреволюция) невероятное количество людей вокруг, в т.ч. журналистов, которых невозможно было запомнить. А Владимир Андреевич запомнился. Запомнился тем, что он разговаривал со мной как с человеком, а не как с источником информации. Он отличался от многих коллег своим человеческим отношением. Мы периодически встречались, появился ПИР-Центр...

Знаете, каждый город дорог не только местами, но и людьми. Когда из Парижа уехал мой друг Клаудио, для меня Париж будто опустел, стал более чужим и холодным. И хотя Москва – это город, в котором я родился, все равно есть люди, которые делают его более родным. И Владимир Орлов – один из тех людей, без которых для меня Москва стала бы скучнее и беднее.

Два «мотора» СНГ

Для России особое значение имеет Евразия и объединяющие евразийские страны – Содружество Независимых Государств. СНГ – это региональная организация, где все страны без исключения имеют равное право голоса, как и в ЕС. Но если мы возьмем историю ЕС, там изначально было два «мотора», которые развивали это сообщество и, в итоге, создали это метагосударство – Германия и Франция. Потенциально в СНГ тоже было два «мотора», две самые мощные державы – Россия и Украина. Но посмотрим на историю СНГ. Главные учредительные документы – Беловежские и Алма-Атинские соглашения и декларации, - их подписали и Россия, и Украина. Затем был разработан Устав СНГ, подписав который, страны становились юридически членами СНГ. До этого членство

не было четко оформлено. Украина не подписала Устав. Почти все ключевые экономические соглашения, подписанные странами СНГ, содержат оговорки Украины, которая беспощадно «выхолащивала» эти документы. Никакого Европейского Союза не было бы, если бы, допустим, Франция каждый раз «выхолащивала» документы, обеспечивавшие развитие ЕС.

Книги «интеллектуального наслаждения»

Я сейчас читаю совершенно поразительную книгу, она называется «Индия» ее написал Абу Рейхан Бируни. Человек, который родился в конце X века в городе Кят на юге нынешнего Узбекистана. Я поражен с какой тонкостью и изяществом этот великий мусульманин пишет про чужую культуру и религию. У него своеобразная трактовка индуизма, он проводит сравнение индийской философии с древнегреческой... Это человек совершенно

поразительной эрудиции. Можно сказать, «Индия» Бируни – это книга интеллектуального наслаждения.

В молодости я был влюблен в книгу «За стеклом» Робера Мерля. Роман о событиях накануне мая 1968 года в Париже: жизнь парижских студентов, их отношения, их любовь, их политические пристрастия. Я читал и думал: «Вот это жизнь!» Не без ее влияния я стал симпатизировать европейским левакам, их поиску правильного сочетания свободы и социальной справедливости. Их идеи самоуправления (autogestion) мне казались очень значимыми, интересными, устремленными в будущее. Сейчас все это забыто, но мне кажется, что многие идеи 1968 года не мертвы и требуют переосмысления. Они не должны быть на свалке истории.

Еще недавно, с огромным опозданием, я прочитал «Анну Каренину» и поразились насколько живучи российские психические и идейные стереотипы. Читаешь про Стиву Облонского, и перед глазами встают наши современники из числа начальствующих, либерализм которых один к одному сродни либерализму Стивы. Это такой удобный, уютный либерализм, ни к чему не обязывающий. Мы, действительно, из века в век воспроизводим архетипы: и психологические, и идеологические. И «Анна Каренина» лишней раз мне продемонстрировала это во всей красоте.

О кино

Кино позволяет иногда сказать что-то более убедительно, чем статья или книга. Один мой друг мне однажды сказал, что в моих фильмах слишком много музыки и это нечестно, потому что музыка, она всегда эмоциональна, она заставляет людей принимать в фильмах то, что они, может быть, не приняли бы без нее. Но я считаю, что это абсолютно честно.

Мне много чего хочется сказать людям, и я увидел, что кино это делает лучше, чем статьи и книги. Кроме того, работа над фильмом приносит огромное удовольствие.

Запредельное счастье

Первое сентября 1972 года. Я только что поступил на истфак и иду по аллее, которая ведет к МГУ. Просто запредельное счастье: я студент! А вчера я был грузчиком.

Такое же счастье я испытал, когда снимал фильм «Русские грузины». У меня была идея, что в фильме должна звучать грузинская музыка. И на проспекте Шота Руставели в Тбилиси я нашел ребят, которые классно играли. Я договорился с ними и их мамой, которая была

главой этого уличного, семейного джаз-банды. На улице было шумно, и мы решили пойти в парк. И вот мы идем по вечернему, июньскому, теплему, благоухающему Тбилиси - оператор, звукооператор, музыканты ... снимать и записывать музыку. И вновь ощущение юношеского счастья. Это и есть кино для меня.

О работе

Когда я писал свою дипломную работу по теме «Современная французская историография утопического социализма», внимательнейшим образом изучал труды Сен-Симона, Фурье. Шарль Фурье, очень яркий и колоритный мыслитель, писал, что человек в течение своей жизни должен менять виды деятельности. Я так и делаю: мне нравится снимать кино, преподавать, писать стихи, книги, рубить дрова, вскапывать огород. Когда я рублю дрова, я интуитивно повторяю движения моего отца, каждым точным движением я благодарю его за все, что он сделал для меня. А вообще мне просто нравится работать.

Мир, в котором нет политики

Я бы хотел, чтобы Россия через 20 лет была демократическим государством, страной с исключительно здоровой экологией, страной, не участвующей ни в каких блоках, знаменитой своими интеллектуальными, научными свершениями. Я хочу, чтобы все страны стали нейтральными, и вопросы о территориальной принадлежности, которые сейчас кажутся столь важными, ушли бы на второй план. В моей пока не опубликованной повести «Адам и Ева» люди живут в мире, в котором нет политики. Власть – это просто один из видов работы. Люди ей занимаются - потом передают другим, чтобы заняться чем-то более интересным. Что такое политика? Это борьба за власть. А там за нее не борются, потому что власть не любят. Сейчас главное условие достижения власти – безумная любовь к ней. Я встречался с многими политиками первого эшелона, все они влюблены не в женщину, не в природу, не в творчество - а во власть. А я мечтаю об обществе, которое к власти бы относилось безразлично. Власть – это то, что нужно сделать для других людей, но не более. Мир после краха СССР здорово испортился. Мы, создавая и поддерживая альтернативу западному капитализму, в какой-то степени надорвались. И для многих людей в мире сделали плохую вещь: потому что капитализм без этой альтернативы, тут же стал более лживым, жестоким и даже абсурдным. Даже уютные скандинавские страны стали хуже без этой альтернативы.

Интервью: Александра **Зубенко**

Редактура: Егор **Чобанян**

Мы приглашаем вас также познакомиться с книгами и стихотворениями нашего гостя. «Революция и ее преодоление», «[Предварительные итоги](#)», «Государство и народ: от Фронды до Великой Французской революции» - выбор нашей редакции.

На одну из них директор ПИР-Центра В. А. Орлов в 2015 г. написал [рецензию](#).